

УДК 37**Авторский учебно-беллетристический текст преподавателя для иностранной аудитории на уровне обучения русскому языку В1-В2****Пузырева Ольга Григорьевна**

Соискатель,
кафедра методики преподавания русского языка как иностранного,
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
117485, Российская Федерация, Москва, ул. Академика Волгина, 6;
e-mail: ogpuz@mail.ru

Аннотация

В статье дается определение такого типа текста, который еще фактически не дифференцирован в методике преподавания русского языка как иностранного и ведущей обучающей направленностью которого является формирование социокультурной компетенции у иностранных учащихся на языковом уровне В1-В2. Это авторский учебно-беллетристический текст преподавателя. Представлено описание таких его типологических дефиниций, как аутентичность, понимаемая современной методической наукой в аспекте коммуникативной стратегии обучения; идейно-тематическая специфика, основу которой составляет понимание жизни как диалогической сущности и нравственно-культурного взаимодействия человеческих индивидуальностей; композиционно-повествовательная структура, важную роль в которой играет образ Москвы, тема связи прошлого с современностью, синергия жизни и искусства как сущностная категория бытия; особенности идиостиля, включая наличие большого количества эпитетов, эксплицитных и имплицитных литературных аллюзий, коннотативных языковых единиц и синтаксических конструкций; жанровое своеобразие, которое, помимо новеллистичности и цикличности, обладает такими признаками, как повышенная коммуникативная интенция, носящая познавательный, эмотивный и эстетический характер. Особым структурно-тематическим звеном и методическим арсеналом авторского учебно-беллетристического текста преподавателя являются микросюжеты, присутствующие во всех его обучающих блоках: в текстах новелл и социокультурного комментария, в подписном тексте к наглядному материалу, в текстах вопросов и заданий.

Для цитирования в научных исследованиях

Пузырева О.Г. Авторский учебно-беллетристический текст преподавателя для иностранной аудитории на уровне обучения русскому языку В1-В2 // Педагогический журнал. 2019. Т. 9. № 2А. С. 310-319.

Ключевые слова

Авторский учебно-беллетристический текст преподавателя, аутентичность, идиостиль, жанровое своеобразие, новелла, когнитивная лингвистика, социокультурная компетенция.

Введение

В данной статье речь пойдет о таком типе текста, который фактически еще не дифференцирован в методике преподавания русского языка как иностранного. Это авторский текст, созданный преподавателем для иностранных учащихся. Его ведущая обучающая направленность – формирование социокультурной компетенции. Написан он беллетристическим стилем. Мы решили дать ему рабочее определение: «авторский учебно-беллетристический текст преподавателя». Существенной особенностью такого текста является аутентичность, которую мы, вслед за Е.А. Абрамовым, понимаем не только как некомпрессионность или неадаптированность текста, но и «как свойство учебного взаимодействия» [Абрамов, [www](#)]. Это свойство является, с одной стороны, результатом проявления в процессе его создания свободной творческой деятельности автора – носителя языка, а с другой – результатом сознательно-установочных целей преподавателя.

Наш повествовательный цикл называется «Несколько личных портретов на фоне московского неба, или повесть с нестрогим сюжетом». Он состоит из семнадцати коротких сюжетных эпизодов, каждый из которых можно читать и обсуждать с иностранными учащимися как самостоятельную новеллу (чуть позже мы подробно остановимся на жанровом своеобразии этих текстов). Сюжетно-повествовательным центром цикла является образ главной героини Алины: ее восприятие людей и событий; отношение к природе, семье, Москве, искусству; личностные нравственно-смысловые приоритеты бытия.

Основная часть

Главная мысль цикла акцентирована уже в заглавии словосочетанием «несколько портретов», а затем – в эпиграфе, которым стала первая фраза рассказа И.А. Бунина «Сны Чанга» (1916): «Не всё ли равно, про кого говорить? Заслуживает того каждый из живших на земле» [Бунин, 1998, 107]. Если использовать выражение Л.В. Чаловой, то в нашем тексте «личностное начало актуализировано» прежде всего «через художественный портрет» [Чалова, 2012, [www](#)]. А мысль Бунина о самоценности и неповторимости каждой человеческой судьбы одновременно подчеркивает и тот факт, что личностное начало в человеке актуализируется только тогда, когда он связан с другими людьми и для кого-то интересен; когда его судьба вызывает отклик и сочувствие у другого человека. Диалогическое взаимодействие человеческих индивидуальностей, а также диалог с лучшими образцами родной и мировой культур как одна из сущностных человека характеристик жизни и составляет, таким образом, основное содержание цикла.

Важную сюжетно-повествовательную и эмоционально-эстетическую роль играют в цикле образ Москвы и ее городские ландшафты, включая вид из окна. Академик Российской академии наук С.Э. Вомперский справедливо замечает, что ландшафт относится к числу наиболее значимых внешних объектов, которые формируют ментальность, то есть образ восприятия жизни, как у отдельного человека, так и у нации в целом [Что делать?, [www](#)]. У нас ландшафт эмоционально опосредован отношениями героев, их душевными движениями и впечатлениями. Поэтому и для иностранных учащихся Москва как социокультурная и пространственная реалья становится понятнее и притягательнее.

Персонажи нашего цикла – это представители не только русской, но и других культур: украинской, польской, китайской, вьетнамской, немецкой, американской. Культурно-

эстетические номинации и аллюзии, содержащиеся в текстах новелл, помимо русских источников, включают в себя итальянские, австрийские, английские, немецкие, французские, индийские, китайские, арабские источники.

Поэтику цикла отличает также присутствие в художественном пространстве текста известных личностей: государственных деятелей, представителей творческой сферы – писателей, артистов, режиссеров, скульпторов и т.п.; ученых, спортсменов, мультимедийных лиц.

Одна из важных типологических дефиниций авторского учебно-беллетристического текста преподавателя касается его стилистических особенностей. Как уже упоминалось, наш текст является неадаптированным в современном расширенном понимании. Поэтому, с одной стороны, он пишется так, как пишется, – в соответствии с аксиологическими приоритетами речевого сознания автора и его индивидуально-эстетическими языковыми предпочтениями. Термин «речевое сознание» применен нами к литературной сфере на основе развития суждений Ф.-Г. Юнгера о соотношении языка и речи: в то время как язык, по мнению философа, является всеобщей человеческой потребностью, речь – это глубоко индивидуальная «доля» говорящего в языке, раскрывающая отношение личности к понятиям, характер человека и стиль его жизни. Поэтому «ни один говорящий не говорит так, как говорят другие» [Юнгер . 2005, 79-80]. В результате в данном авторском тексте можно констатировать наличие «идиостиля» (Ю.Н. Тынянов), характерными приметами которого являются следующие:

1. Наличие большого количества эпитетов, которые разделяются: «по семантическому параметру» [Пустовалова, www] – на цветовые, световые; «по характеру номинации» [там же] – на эпитеты с прямым значением и на метафорические; затем следуют «эпитеты, дающие психологическую, поведенческую, портретную характеристику; г) «с точки зрения структуры» в нашем тексте используются эпитеты простые и сложные; «с точки зрения стилистики» [там же] – разговорные и поэтические; «с точки зрения сочетаемости с фигурами повтора» – сквозные.

2. Антитеза и повторяющаяся смена эмоциональных регистров: лирического, трагического, анекдотического.

3. Присутствие таких сквозных мотивов, как счастливое детство, память о личном и семейно-родовом прошлом, а также об историческом прошлом Отечества; обостренное восприятие красоты мира и тема искусства; точки соприкосновения национальных и общечеловеческих ценностей; стремление разобраться в вечных вопросах бытия и другие.

4. «Обратная перспектива» (П.А. Флоренский) пространственно-временных отношений в повествовании, когда размышления главной героини о прошлом дают ей возможность оценивать события современности и находить «смысл-акме» своего теперешнего существования. А.А. Бодалев и Е.Е. Вахромов отмечают, что смысл жизни и акме являются ключевыми понятиями акмеологии, у истоков которой стояли такие ученые, как В.М. Бехтерев, Н.А. Рыбников, Б.Г. Ананьев. Возникнув как точка пересечения естественных, общественных, гуманитарных и технических областей знания, акмеология изучает процесс самоактуализации человека на ступенях *ранней, средней и поздней взрослости*, а также процесс движения взрослого человека к наивысшему пику своего развития – *большому акме* – через промежуточные вершины – *микроакме*. При этом *большое акме* трактуется не как предел личностной самоактуализации человека, а как переход к новой фазе жизненного пути, на которой имеет место сложное и противоречивое взаимодействие элементов развития,

стабильности и инволюции [Бодалев, Вахромов, 2008, 64-66].

5. Наличие большого количества эксплицитных и имплицитных литературных аллюзий.

6. Наличие метафор-олицетворений и фантастических элементов. Надо заметить, что такие элементы являются неотъемлемой частью не только русской, но и любой национальной культуры. Поэтому их присутствие в нашем тексте вполне оправданно и закономерно.

7. Наличие большого количества коннотативных языковых единиц и синтаксических конструкций, отражающих:

а) различные виды социальных отношений (семейных, дружеских, соседских и т.п.);

б) детское восприятие действительности;

в) эстетический план человеческого сознания и сферу искусства;

г) нравственный план человеческого сознания и сферу этических ценностей;

д) эмоционально-психологическое состояние человека;

д) философское осмысление бытия, связанное, в первую очередь, с ощущением времени и связи поколений;

е) сферу религиозного мироощущения и православных ценностей.

С другой стороны, говоря о неадаптированности нашего текста в аспекте коммуникативной стратегии обучения и имея в виду его основную обучающую цель – формирование социокультурной компетенции, следует отметить, что в структуре повествования постоянно используется, если можно так выразиться, механизм подтягивания к основному сюжетно-беллетристическому пласту множества дополнительных пластов, цель которых – дать более развернутую информацию о какой-либо ключевой мнеме (термин И.В. Ружицкого) основного текста, о бытовых, социокультурных, лингвокультурных реалиях, а также о концептах, содержащихся в нем. Эти дополнительные пласты призваны к тому же оформлять самые разнообразные микросюжеты, которые присутствуют практически во всех обучающих блоках, составляющих наш учебно-беллетристический текст в целом: в текстах новелл и социокультурного комментария, в подписном тексте к наглядному материалу, в текстах вопросов и заданий. С функционально-стилистической точки зрения микросюжеты представляют собой фрагменты художественного, социально-бытового или культурно-прикладного описания; научного, научно-популярного, искусствоведческого, философского, публицистического текстов. Причем иногда это даже текст другого автора. С одной стороны, микросюжеты тематически связаны с событиями в той или иной новелле, а с другой – содержат обширный социокультурный материал на самые разные темы: память о Великой Отечественной войне, первый космонавт планеты Юрий Алексеевич Гагарин, великие имена отечественного искусства, театры, памятники и бульвары Москвы, Московский зоопарк, достопримечательности столицы и других городов России, русские сказки и ментально значимые литературные произведения, российские всенародно любимые телепередачи и художественные фильмы, фигурное катание и бокс в России, отношение россиян к домашним животным, московское граффити, известные российские магазины и товары, а также многое другое. На занятии по практике речи они могут быть использованы как самостоятельные обучающие эпизоды. Микросюжеты часто несут в себе интенсивный коммуникативный посыл, содержат эмотивные обращения к читателям, которые, по нашему мнению, способствуют повышению у иностранных учащихся интеллектуально-познавательной мотивации к изучению русского языка и потребности его речевого практического использования.

Необходимо также остановиться на жанровом своеобразии авторского учебно-

беллетристического текста преподавателя. Если рассматривать его структуру с собственно литературной точки зрения, то следует отметить, что получилось специфическое жанровое образование, которое, помимо новеллистичности и цикличности, обладает еще и такими неотъемлемыми признаками, как повышенная коммуникативная интенция, носящая одновременно познавательный, эмотивный и эстетический характер. Условно мы обозначили этот жанр как «цикл коммуникативно-эмотивных новелл». Пример данного текста представлен в Приложении.

Данное обозначение научно подкреплено тем фактом, что постоянным структурно-тематическим звеном нашего повествования являются эпизоды-анекдоты. Как отмечает Л.И. Семченко, современные российские литературоведы, например В.И. Тюпа, в поисках первостепенного критерия для определения специфических жанровых особенностей новеллы нередко апеллируют к коммуникативной стратегии анекдота [Семченко, 2011, 53]. Опираясь на мысль В.И. Тюпы, а также на суждения М.М. Бахтина относительно методологии изучения эпических жанров, исследователь делает вывод о том, что рецептивная компетенция новеллы и анекдот генетически связаны ожиданием «рекреативной компетентности» со стороны адресата, с надеждой на его способность выйти за рамки догматичного восприятия действительности и тем самым расширить пространство своего взаимодействия с непрерывно меняющимся миром [там же, 58]. Это, по нашему мнению, актуально не только при взаимодействии с художественным произведением носителей языка, но и для людей, изучающих язык данного произведения как иностранный. Для второй группы людей, может быть, даже актуально вдвойне, поскольку, читая и обсуждая такое литературное произведение, они входят в иную культуру, для которой характерны свои, большей частью незнакомые им коды и стереотипы восприятия и отражения действительности.

Однако следует также сказать, что поскольку в целом вопрос о специфических дефинициях жанра новеллы все еще остается для отечественных специалистов дискуссионным, то и в том жанровом определении, которое мы дали своему учебно-беллетристическому повествованию, слово «новелла» в достаточной степени условно. Хотя одни сюжетные эпизоды цикла, такие, например, как «Сон Алины» и «Я только хотел посмотреть, как устроен магнитофон», максимально приближаются к жанру новеллы в его традиционном понимании – с преобладанием сюжетно-фабульных элементов над описательными, с атмосферой таинственности и неожиданной развязкой; с атмосферой нарастающего страха и детективно-сюжетными элементами. В других, как, например, «Лидия Александровна и сирень», совмещаются черты новеллы и лирической прозы; в третьих, таких, как «Лермонтов», – черты новеллы и лирико-философской прозы, где ослабленность сюжетно-событийной линии компенсируется эмоциональной остротой и динамичной сменой психологических состояний главной героини. В новелле «Эрика и Эльза Карловна», наряду с трагическими мотивами, присутствуют сразу три анекдотических эпизода.

Заключение

Подытоживая, скажем, что все-таки главной научно-методической задачей для нас является создание текста, а не произведения, и, по основной потребности, текста учебного. Однако сегодня существует такая актуальная область исследования художественного текста, в которой, на наш взгляд, органично сочетаются потребности литературоведения, лингвистики и методики

преподавания русского языка как иностранного, особенно когда мы говорим об использовании художественного текста в качестве главного средства при формировании у иностранных учащихся социокультурной компетенции. Это когнитивная лингвопоэтика. Если посмотреть под таким углом зрения на наш текст, то он, безусловно, является «лирико-прозаическим» с теми характерными дефинициями его дискурсивного пространства, на которые указывает Е.Г. Озерова. По мнению исследователя, лирико-прозаический текст представляет собой интеллектуально-эмотивную амальгаму многоканальной информации. Все когнитивно-коннотативные структурные составляющие такого текста обусловлены антропоцентричностью, основанной, в свою очередь, на эготопе, благодаря которому осуществляется отбор из действительности ментальных и ценностно-смысловых категорий культуры, отражающих синергетику культурной памяти и чувственного восприятия-переживания дискурсивно значимых событий, что и находит воплощение в данном типе текста, а также позволяет предположить, что «эготоп является той лингвокультурной категорией, благодаря которой осуществляется взаимодействие поэтических образов с действительностью, воплощается в лирико-прозаическую материю текста чувственное восприятие морально-этических архетипов народной культуры».

Библиография

1. Абрамов Е.А. Текст как цель и средство обучения иностранным языкам // Дистанционные курсы профессиональной переподготовки и повышения квалификации. URL: <https://infourok.ru/tekst-kak-cel-i-sredstvo-obuchenia-inostrannim-yazykam-1162964.html>
2. Бодалев А.А., Вахромов Е.Е. Акме – вершина развития самоактуализирующейся личности // Смысл жизни, акме и профессиональное становление педагога. М.; Обнинск: ИГ-Социн, 2008. 532 с.
3. Бунин И.А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1988. 703 с..
4. Озерова Е.Г. Дискурсивное пространство русского лирико-прозаического текста: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2012. 39 с.
5. Пустовалова А.А. Типы эпитетов в поэтическом языке Н. Рубцова. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-epitetov-v-poeticheskom-yazyke-n-rubtsova>
6. Семченко Л.И. Историография жанра новеллы: теоретический аспект. // Вестник Полоцкого государственного университета. 2011. № 2. С. 51-59.
7. Чалова Л.В. Актуализация личности через художественный портрет // Концепт. 2012 № 12/ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-lichnosti-cherez-hudozhestvennyy-portret>
8. Что делать? // Передача канала ТВ «Культура», ведущий – Виталий Третьяков. Эфир от 8 мая 2019 года. URL: https://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/20917
9. Юнгер Ф.-Г. Язык и мышление. СПб.: Наука, 2005. 300 с.

Приложение. Пример учебно-беллетристического текста «Сон Алины»

Когда мамы не стало, Алина почувствовала себя маленькой осиротевшей девочкой. Хотя по возрасту у нее самой уже могли бы быть вполне взрослые дети.

Ей так хотелось вновь увидеть маму хотя бы во сне. Но мама снилась редко, вернее, почти совсем не снилась. Только один раз за все время после ее ухода Алина видела очень короткий сон: мама что-то застирывала, стоя над ванной. И больше ничего...

Конечно, в своих дневных мыслях она не расставалась с мамой ни на минуту. В памяти то и дело всплывали многочисленные эпизоды их долгой совместной жизни. Вот один из них.

Они гуляют в лесопарке зоны отдыха «Тропарёво», расположенном в Юго-Западном округе Москвы. В девятнадцатом веке тут была дворянская усадьба великого поэта-философа Фёдора Ивановича Тютчева. Кстати, его знаменитое стихотворение «Люблю грозу в начале мая...»

написано под впечатлением от этого живописного места. В двадцатом веке, в годы Великой Отечественной войны, здесь проходила первая линия обороны Москвы. О чем напоминает памятник-дзот.

Между собой, в семейном кругу, они называли это место «дальним лесом». Потому что был ещё другой лесопарк, поменьше, но расположенный гораздо ближе к их дому. То был на их семейном языке «ближний лес». Конец лета или начало осени. Вечер, закатное солнце; сплошные берёзы добавляют света. Поэтому в лесу ещё не темно, хотя уже прохладно. Мама – в куртке-ветровке светло-серого цвета, но без головного убора. На её роскошные тёмно-русые волосы, собранные в большой пучок на затылке, нападали сверху семена березы и что-то ещё от деревьев. Алина просит маму остановиться и начинает бережно выбирать всё это из её чудесных волос. В лучах заходящего солнца и молочного берёзового света лицо мамы становится умиротворяющим. На нем играет чуть заметная счастливая, мягкая улыбка...

Вот бреду я вдоль большой дороги

В тихом свете гаснущего дня,

Тяжело мне, замирают ноги...

Друг мой милый, видишь ли меня?

Всё темней, темнее над землёю –

Улетел последний отблеск дня...

Вот тот мир, где жили мы с тобою,

Ангел мой, ты видишь ли меня? <...>

(Ф.И.Тютчев)

И вдруг Алина видит сон – как подарок судьбы.

Она проснулась на рассвете холодного октябрьского дня, посмотрела на часы, вновь заснула... И внезапно оказалась на небольшой людной площади провинциального города. А может, это был даже не маленький городок, а микрорайон на окраине Москвы. По ландшафту место было новым. Но по внутреннему ощущению – хорошо знакомым. Неожиданно к ней подошла молодая высокая светловолосая женщина с умеренно короткой стрижкой и очень приветливыми серо-голубыми глазами. Она дала Алине в руки три своих покупки и попросила поддержать их. «Мне надо отлучиться, но я очень скоро вернусь. Пожалуйста, поддержите немного», - попросила она. И ушла. А в руках у Алины оказались детские штанишки, аккуратно сложенная скатерть и ещё что-то в небольшой плоской коробке – то ли набор свечей, то ли цветных карандашей.

Сразу же вслед за этим она увидела себя в магазине индийских товаров. Почему-то совершенно не удивляясь тому, как она там очутилась. Но она была уже не одна: рядом стояла мама! По виду мама была такого же возраста, как Алина сейчас, или чуть-чуть старше. И на ее лице дочь заметила то же самое выражение, как тогда, во время вечерней прогулки в «дальнем» лесу. Такою мама всегда нравилась ей больше всего.

Они вместе долго и неторопливо бродили по магазину, разглядывая современные и традиционные индийские товары. Там были шерстяные и шёлковые ковры ручной работы. Их завораживающие орнаменты, казалось, сумели вобрать в себя все краски, звуки, сюжеты и формы мира. Они напоминали древние письмена и храмы, райские сады. В них слышалась бесконечная звёздная музыка Вселенной. Привлекали внимание посетителей великолепные фарфоровые и бронзовые вазы с причудливо-красивым, необыкновенно праздничным обилием росписи и резной работы. На них словно оживали цветы и птицы, манили за собой пейзажи,

прочитывались мифологические истории. Вызывали улыбку фигурки слоников из дерева, бронзы и латуни. Изумительные, нарядные и трогательные, они поражали богатством цветовых сочетаний и украшений, наивной грациозностью своей скульптурной пластики. Здесь продавались лёгкие поблёскивающие платья из хлопка, кашемировые свитера и водолазки – мягкие и уютные. А ещё – плавно струящиеся шерстяные и шёлковые палантины. И, конечно, натуральная косметика, благовония, текстильные изделия для дома – постельное бельё, махровые полотенца. И ещё много-много интересного и нужного.

Весь магазин был наполнен каким-то особенным светом. То ли от того, что в нём были «французские» окна, то ли по какой-то *иной причине...*

Вдруг Алина вспомнила про ту молодую женщину на площади и подумала: «Господи, я же совсем забыла о ней. Она ведь просила подождать совсем немного, а прошло уже, наверное, несколько часов. Не дай Бог ещё примет меня за воровку». И как только она это подумала, так сразу же вновь оказалась на площади. Ту женщину Алина увидела сразу: незнакомка стояла точь-в-точь на том же месте, где они расстались. Поспешив вернуть незнакомке все три покупки, она стала бормотать что-то невнятное в своё оправдание, глядя на неё виноватыми карими глазами. И в ответ услышала следующее: «Ну, вот и хорошо, что пришли. А я уж было подумала, что перевелись на земле честные люди».

Алина не успела и глазом моргнуть, как в руках у молодой женщины вместо покупок оказалось крошечное круглое стёклышко. Оно обрамлялось пёстрым ободком, а его диаметр был чуть больше таблетки валидола. «Ну-ка, поднеси это стёклышко к своему глазу», – попросила светловолосая незнакомка. Алина так и сделала. Сначала она увидела коллаж из разноцветных квадратов, а затем – своё беззаботное, радостное, смеющееся лицо. Ведь они с мамой всегда были такие хохотушки! «Спасибо Вам, - сказала она, обращаясь к женщине, но не в силах оторваться от стёклышка, - Вы помогли мне понять мою ошибку. Ведь я думала, что больше никогда не смогу смеяться *так*, как смеялась при маме». Но когда она оторвалась, наконец, от стёклышка и огляделась вокруг, то светловолосой незнакомки рядом уже не оказалось... И тут Алина опять проснулась.

Она снова посмотрела на часы. Оказалось, что время ее сна абсолютно совпало с реальным. Он действительно длился несколько часов – несколько часов счастья, счастливого свидания с мамой! А город, в котором они встретились во сне, был *их* город. Тот самый, по которому в снах Алины они и раньше часто гуляли вместе, когда мама была ещё *здесь*. Вот почему он сразу показался таким знакомым.

Встав с постели, она, как обычно, первым делом подошла к фотографиям родителей. Отец ушёл из жизни четыре года назад. Тогда Алина тоже сильно горевала. Потому что и к нему была очень привязана. Он прошёл всю войну танкистом, два раза горел в танке, дошёл до Кёнигсберга (в 1946 году этот город вошёл в состав СССР и получил название Калининград). Отец был награждён орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени, медалью «За оборону Сталинграда», медалью «За отвагу». У отца была сильная воля, он умел преодолевать самые невероятные трудности. Поэтому с фотографии он смотрел на дочь, как всегда, подбадривающе-оптимистично. А вот лицо мамы... Что-то новое и пока неуловимое появилось в нем сегодня.

Всмотревшись повнимательнее, Алина поняла, *что* именно. Лицо и особенно глаза мамы как будто говорили: «Ну вот, видишь, *мы* опять с тобой *вместе*. А ты *так* волновалась...»

The author's educational and fiction text of the teacher for a foreign audience at the B1-B2 level of teaching Russian

Ol'ga G. Puzyreva

Applicant,
Department of methods of teaching Russian as a foreign language,
Pushkin State Russian Language Institute,
117485, 6, AkademikaVolgina st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ogpuz@mail.ru

Abstract

The article contains a definition of the type of text, which is not actually differentiated in the methodology of teaching Russian as a foreign language, and the leading educational orientation of which is the formation of socio-cultural competence of foreign students at the B1-B2 language level. This is the author's educational and fiction text of the teacher. It also contains a description of its typological definitions, such as authenticity, understood by modern methodological science in the aspect of communicative learning strategy; ideological and thematic specificity, which is based on the understanding of life as a dialogical essence and moral and cultural interaction of human individuals; compositional and narrative structure, which plays an important role in the image of Moscow, the theme of the connection of the past with the present, the synergy of life and art as an essential category of being; idiostyle features, including the presence of a large number of epithets, explicit and implicit literary allusions, connotative linguistic units and syntactic structures; genre originality, which, in addition to novelism and cyclicity, has such features as increased communicative intention, which is cognitive, emotive and aesthetic. A special structural and thematic link and methodological arsenal of the author's educational and fiction text of the teacher are the micro-topics present in all its training blocks: in the texts of novels, in the subscription text to the visual material, in the texts of questions and tasks.

For citation

Puzyreva O.G. (2019) Avtorskii uchebno-belletristicheskii tekst prepodavatelya dlya inostrannoi auditorii na urovne obucheniya russkomu yazyku B1-B2 [The author's educational and fiction text of the teacher for a foreign audience at the B1-B2 level of teaching Russian]. *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Journal], 9 (2A), pp. 310-319.

Keywords

The author's educational and fiction text, authenticity, idiostyle, genre originality, short story, cognitive linguistics, socio-cultural competence.

References

1. Abramov E.A. Tekst kak tsel' i sredstvo obucheniya inostrannym yazykam [Text as the purpose and means of teaching foreign languages]. In: *Distantсионные курсы профессиональной переподготовки и повышения квалификации* [Distance courses of professional retraining and advanced training]. Available at: <https://infourok.ru/tekst-kak-cel-i-sredstvo-obucheniya-inostrannim-yazykam-1162964.html> [Accessed 13/05/19].

2. Bodalev A.A., Vahromov E.E. (2008) Akme – vershina razvitiya samoaktualiziruyushchey lichnosti [Acme – the pinnacle of development of self-actualizing person]. *Smysl zhizni, akme i professional'noe stanovlenie pedagoga* [Meaning of life, the acme professional development of the teacher]. Moscow; Obninsk: IG-Sotsin Publ.
3. Bunin I.A. (1988) *Sobranie sochinenii v 6 t. T. 4* [Collected works in 6 vols. Vol. 4]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.
4. Chalova L.V. (2012) Aktualizatsiya lichnosti cherez khudozhestvennyi portret [Actualization of the individual through artistic portrait of the author]. *Kontsept* [Concept], 12. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-lichnosti-cherez-hudozhestvennyy-portret> [Accessed 18/05/19].
5. Chto delat'? [What to do?]. *Peredacha kanala TV "Kul'tura", vedushchii – Vitalii Tret'yakov. Efir ot 8 maya 2019 goda* [Channel "Culture", host – Vitaly Tretyakov. Broadcast from May 8, 2019]. Available at: https://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/20917 [Accessed 11/05/19].
6. Ozerova E.G. (2012) *Diskursivnoe prostranstvo russkogo liriko-prozaicheskogo teksta. Dokt. Diss. Abstract* [Discursive space of Russian lyric-prose text. Doct. Diss. Abstract]. Belgorod.
7. Pustovalova A.A. *Tipy epiteto v poeticheskom yazyke N. Rubcova* [Types of epithets in the poetic language of N. Rubtsova]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipy-epiteto-v-poeticheskom-yazyke-n-rubtsova> [Accessed 10/04/19].
8. Semchenok L.I. (2011) Istoriografiya zhanra novelly: teoreticheskii aspekt [Historiography of the novel genre: theoretical aspect]. *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Polotsk State University], 2, pp. 51-59.
9. Yunger F.-G. (2005) *Yazyk i myshlenie* [Language and thinking]. Saint Petersburg: Nauka Publ.